

АРХЕТИП МАТЕРИ ВО ВНУТРЕННЕМ ПРОСТРАНСТВЕ МУЖЧИНЫ

Архетипические образы как таковые принадлежат к высочайшим ценностям человеческой души.

К. Юнг

В данной статье ставится проблема конституирования модели маскулинности во внутреннем пространстве мужчины. Проанализировано влияние архетипа Великой Матери на процесс приобретения мужчиной себя как целостного, независимого от интроецированной материнской фигуры объекта.

Ключевые слова: архетип Великой матери, маскулинность, травма, материнский комплекс, могущество.

Постановка проблемы. Патриархальный образ всемогущего, неуязвимого мужчины все чаще оспаривается и подвергается сомнению. Мужчина, как непоколебимый титан, невосприимчивый к угрозам или успешно с ними справляющийся, оказался не более чем идеализированным мифом, продуцирующим психологическую уязвимость современных мужчин. Большинство из них, стремясь соответствовать конкурентным требованиям и ожиданиям, попадают в ловушку одиночества и стресса. Культура соперничества все чаще обращает внимание на внутренний поиск и внутреннюю активность души, ставя мужчину перед необходимостью создать собственный образец маскулинности.

Доминантная модель маскулинности, разделяемая преобладающей частью общества, является жестко структурированной моделью продуцирования системы властных отношений. Показав свою продуктивность во время войн, спортивных состязаний, конфликтных ситуаций, когда на первый план выходят такие характеристики как состязательность и агрессивность, она оказалась неприемлемой в ситуациях командной работы и разделения ролей. Инфляционные процессы, в результате которых ценность одних маскулинных качеств утрачивается, а других создается, требуют конфигурации динамической модели маскулинности, соответствующей как психологическим, так и социокультурным параметрам зрелости.

Возникает вопрос, какие должны быть характеристики зрелой модели маскулинности? Ответить на него возможно только разрешив проблемы связанные с влиянием материнского комплекса на формирование маскулинности.

Анализ исследований. Процесс перехода от зависимости к зрелости в психодинамической психологии рассматривается в структуре проблемы развития: в концепции З. Фрейда он представлен как трансформация инфантильной сексуальности в зрелую; у К. Юнга – как процесс индивидуации, целью которого является становление Самости; у Э. Эриксона – как процесс прохождения кризисов идентичности. Все психодинамические подходы важным компонентом развития признают сепарацию – процесс, благодаря которому в процессе развития индивид приобретает себя как самостоятельную и независимую от интрапсихического объекта целостность [1].

Основываясь на юнгианском понимании развития как процесса индивидуации, в настоящей статье мы остановимся на рассмотрении ассимиляции архетипа Матери как интрапсихического объекта. Согласно представлениям Юнга архетип матери формирует основу для так называемого материнского комплекса, который по разному проявляется у сыновей и дочерей. В статье "Психологические аспекты архетипа матери" Юнг указывает: "Из-за половых различий комплекс матери у сына не возникает в чистой форме. Мать является первой женщиной, с которой будущий мужчина имеет связь, и она не может не играть – будь-то явно или скрыто, сознательно или бессознательно – на мужественности сына; сын же, в свою очередь, растет, все больше осознавая женственность своей матери, и бессознательно, инстинктивно поддается этому" [8, с. 222].

Образ матери в мужской и женской психологии различаются по своему характеру. Для женщины мать олицетворяет ее собственную сознательную жизнь, обусловленную полом. Но для мужчины мать олицетворяет нечто чуждое и иное, имеющее скрытый смысл в бессознательном. По этой причине образ матери у мужчины существенно отличается от образа матери у женщины. Для мужчины мать с самого начала имеет явный символический смысл, на котором основано стремление к ее идеализации. Юнг отмечает, что мужчина идеализирует тогда, когда переживает тайный страх быть покинутым. Кроме того, у мужчины образ матери обретает целостность и репрезентируется не только на основе архетипа Великой Матери, но и архетипа Анимы, а также интроецированной материнской фигуры.

В процессе культурного развития человечества архетип Великой Матери претерпевал сложную и длительную эволюцию, непременно представляя два основополагающих аспекта бытия – жизнь и смерть [4]. Он возник на древнейшем этапе становления сознания наряду с первичным образом-архетипом Уроборосом – единым, но содержащим потенцию бинарности (исторгающим и вбирающим в себя) [5]. Следует отметить, что представления о бинарности архетипа Великой матери несколько различаются в культурологической и психоаналитической традициях.

Согласно культурологической традиции при переходе от пантеистического к антропоцентрическому принципу построения мира грандиозная Великая Мать подменяется Богиней-матерью. В своей новой репрезентации она вольно или невольно вступает в конфликт с человеком, отдающим предпочтение патриархальным божествам. Манифестируя жизнь природе в образах возлюбленной и породительницы, цивилизованного человека она обрекает на смерть в образе Ужасной Матери. Положительное в бинарности определяется юным женским и девственным началом (Девушка Востока и Девственница), отрицательное – старческим либо фемимужским аспектом (Старуха Запада и Левиафан) [2].

С психологической точки зрения архетип Великой Матери как двойственный и одновременно единый обладает безграничной властью и способностью к идентификации с любым объектом. Он вечен в зафиксированной реальности, которой является миф и динамичен в реальности человеческой ментальности. В процессе его развития бинарность Великой Матери превращается в оппозицию, а затем в дуальность, в которой все ярче проступает брутальный аспект. Брутальность, подпитываемая стремлением отстоять свою безграничную власть, все отчетливо демонстрируется мужскому пантеону богов, мужской части человечества как устрашающая сила.

Великая Мать, теряя свое всеобъемлющее единство, одновременно теряет и власть, и независимость, и могущество персонифицируется в грозных богинь. "Азиатская Ма обретает облик Инанны, Иштар, Астарты; Гея превращается в Деметру, Персефону, Бендиду, Геру, Гекату, Афины, Артемиду" [2, с. 132].

Однако темная, брутальная сущность ее природы не единственный источник бинарности, а впоследствии дуальности Великой Матери. Другим ее источником выступает конфликт между ней и рожденным ею младенцем, впоследствии любовником, а затем соперником.

В процессе своей эволюции, оспаривая претензии мужских божеств, стремясь вернуть утраченное, Великая Мать обретает трехликость. Идея троичности вызвана попыткой преодолеть конфликт противоположностей, смягчить агрессивные противоречия и обрести гармонию. Греки пришли к идее троичности, почитая луну в трех ее фазах: молодая, полная, убывающая. В образе троицы Селены (девушки), Артемиды (женщины), Гекаты (старухи) олицетворялись такие качества Великой Матери как вечная жизнь и возрождение, связь с потусторонним миром и миром мертвых. Ужасная (брутальная) часть Великой матери из образов богинь подземного царства (смерти), трансформируется в образы богинь пугающей неотвратимости. Судьба как проявление всеобщего мирового закона находит свое нуминозное оформление в троичном образе Мойр. Мойры как властительницы судьбы и рока не имели ограничений в своем могуществе. Однако и Мойры утрачивают власть. Их грозные функции переходят к мужским богам. "Зевс и Аполлон становятся Мойрагетами, не определяющими судьбу, но готовыми над ней поиздеваться" [2, с. 135]. Под натиском патриархальных божеств – Мадрука, Яхве, Зевса, Аполлона, Одина богини отступают, играя подчиненные роли.

Э. Фромм обращает внимание на то, что победу мужского над женским фиксирует Ветхий Завет, в котором нарушен естественный природный закон рождения: Ева появляется на свет из ребра Адама, подобно мифологическому рождению Афины из головы Зевса. В этой связи К. Хорни предположила, что мужчины испытывают зависть к женщинам из-за неспособности к той части детородной функции, которая связана с рождением и вскармливанием.

Таким образом, в основе архетипа Великой Матери лежат две идеи, способные оказывать давление на формирование маскулинности. Это идея безмятежности и всепоглощающего единства и идея величия и всемогущества. Первая проявляется в характеристиках самодостаточности, автономности, аутентичности, вторая – в стремлении к власти, господству.

Цель исследования. Выделить и описать проявления Великой Матери, вступающие в конфликт с маскулинностью во внутреннем пространстве мужчины и препятствующие формированию его зрелости.

Результаты исследования и их обсуждение. В психоаналитической литературе одной из причин невротического поведения считается сильная связь с материнской фигурой (Mutterfigure) и страх отделения от нее, а также случаи, когда мать слабо ощущая поддержку со стороны своего супруга, завладевает ребенком и использует его в качестве замены мужу или для других депривированных потребностей [3].

Юнг описывает материнский комплекс как группу чувственно окрашенных или тонированных идей связанных с переживанием отношений с матерью и ее образом [1]. Типичными последствиями этого комплекса могут быть гомосексуальность, донжуанство, иногда импотенция. Материнский комплекс, по его мнению, возникает на основе архетипа Великой матери, так как конкретная мать

является его носителем. С ней связано пробуждение идентичности ребенка и формирование его собственного Эго. Сначала жизнь ребенка неотделима от матери и представляет собой состояние бессознательной идентичности. Она – психическое, а также физическое предусловие его существования. Побуждающее "Я" ребенка (сына) выстраивая свои границы, вступает в оппозицию по отношению к своему собственному предусловию. Это ведет к дифференциации "Я" и матери, личные качества которой репрезентируются как хорошие и плохие, свои и чужие [7].

Первоначально, заимствованное Юнгом из психопатологии понятие "комплекс матери" (материнский комплекс) ассоциировался с идеей травмы и болезни. Этиологическое и травматическое воздействия, исходящие от матери, разделялись им на две группы: 1) те, которые соответствовали чертам характера и отношениям, действительно свойственным матери, и 2) те, которые относились к чертам, лишь по видимости присущим матери, и состояли из более или менее фантастических (т.е. архетипических) проекций со стороны ребенка [там же].

Остановимся на тех чертах Великой Матери, которые могут быть результатом архетипических проекций в психике мужчины.

Рассматривая психологические стадии развития личности, Э. Нойман высказывает нижеприведенное суждение о формировании мужского мифологического Эго: "Дифференциация Эго, разделение Прародителей Мира и расчленение первичного дракона освобождают мужчину как сына, и открывают его свету, и только тогда он рождается как личность с устойчивым Эго" [5, с. 66]. Согласно Э. Нойману трансформация из сына в мужчину происходит посредством присваивания ролевой позиции героя, разъединяющего Прародителей мира¹. Став героем мужчина ожидает положительные и отрицательные последствия своего героического поступка.

Процесс эволюции мужского Эго на своей первой стадии отделения от матери связан с потерей целостности и общей бессознательной интеграции с миром, так как мужчина, выйдя из тела матери, выходит и из сферы ее психологического пространства (сферы влияния), делая шаг на путь независимости. Эта первичная утрата целостности, первичного рая для себя, чувства безмятежности и комфорта имеет эмоциональную окраску. Она выражается в чувстве вины и основана на потере *participatin mystique* (выхода из райского, материнского состояния). Комплементарностью такой потери является обретение силы рождающимся мужским Эго, чувство гордости и собственного достоинства, обретение славы героя.

Таким образом, первичная мужская травма связана с изгнанием и отторжением мужчиной из своего психологического пространства всего материнского и феминного как чуждого и препятствующего развитию, что нашло свое отражение в мифологии битвы с Драконом и возникновению архетипа Героя.

Анализ процесса маскулинизации мужского Эго позволяет нам также выделить два комплементарных явления в психологическом пространстве мужчины – это растворение и обретение [5]. Процесс растворения мифологической личности и ее индивидуального сознания относится к сфере Великой Матери и является симптомом подчинения ее власти или власти ее представителей. Божественный юноша приносит Великой Матери счастье, славу и плодородие, но она вечно остается неверна ему и не приносит ему ничего, кроме несчастья. Она овладевает им, захватывает его. В своем сексуализированном безумии юноша калечит себя, преподносит ей фаллос как жертву или отдает свою жизнь. Утрачивая себя, он обретает вечный покой. Утрата комплементарности при доминировании растворения искажает процесс маскулинизации и приводит к симптому подчинения власти.

Процесс обретения себя как мужчины вынуждает молодое мужское Эго бороться за свою жизнь. Чем оно сильнее, тем больше оно осознает выхолащивающую, околдовывающую, одурманивающую, смертельную сущность Великой Матери. Предчувствие угрозы, исходящей от Великой Матери пробуждает в юноше силу и мощь, агрессивные намерения, которые он реализует в поступке. Убийство, расчленение, кастрация или жертвоприношение оставляют в его внутреннем пространстве чувство вины, даже если его поступок служит реализации необходимой самозащиты. Вытесненное чувство вины вынуждает постоянно ощущать угрозу. В этом случае юноша впускает в себя Ужасную Мать, растворяется в ней и обретает ее страсть к величию и всемогуществу. В этом случае развитие маскулинности соскальзывает в проекцию негативного аспекта Великой Матери (Ужасной Матери). При доминировании обретения искажение процесса маскулинизации приводит к симптому стремления к власти [там же].

Тема мужской травмы как необходимого условия преодоления материнского комплекса и выхода из рамок материнского звучит у Дж. Холлиса. Эмоциональная мужская травма – обязательное условие для выхода из сферы материнской зависимости и перехода в отцовский мир духа, культуры, цивилизации. По своей сути такая травма является структурным компонентом инициации и должна стимулировать личностный рост и развитие мужчины. Автор отмечает, что в современном обществе утрачены обряды инициации и мужчин переполняет боль, гнев и страх. По его мнению мужчины не интегрируют свою внутреннюю феминность, а отторгают ее. Этот процесс отторжения проявляется в

¹ По некоторым мифам убивающего Прародителей или одного из них.

замкнутости и ограниченности в выражении чувств, стремлении реализовать мужскую зрелость на основе патриархальных ценностей, среди которых особое место занимает личная власть [7].

Выводы: Комплекс матери приводит к развитию инфантильной маскулинизации мужского Эго. Инфантильная маскулинность – образ маскулинности, который агрессивен по своей природе по отношению к феминному и вступает с ним в конфликтные отношения, продуцируя диаду власть – подчинение.

Для преодоления зависимости от матери (материнского комплекса) необходимы специфические условия, обеспечивающие дифференциацию телесного и духовного, материнского и отцовского. Таким специфическим условием является эмоциональная травма утраты символической телесной связи с Великой Матерью, которая компенсируется чувством собственного достоинства, гордости, славы.

Вторым специфическим условием является эмоциональная травма растворения, в результате которой мужчина сохраняет свою мужскую целостность, учится контролировать свои эротические и сексуальные импульсы, познает страстную природу Великой Матери.

Третьим специфическим условием выступает эмоциональная травма обретения, в результате которой мужчина учится контролировать свои агрессивные тенденции, познает повелевающую, властную, могущественную природу Великой Матери.

Используемая литература

1. Зеленский В. Толковый словарь аналитической психологии / В. Зеленский. – М.: Когито-центр, 2008. – 336 с.
2. Колосов Д.В. Образ Великой матери в мировой культуре (единично-бинарно-троично-четвертичная проекция) / Д.В. Колосов // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 2. Тула: Издательство ТулГУ, 2011. – С. 128-140.
3. Куттер П. Современный психоанализ. Введение в психологию бессознательных процессов / П. Куттер; Пер. в нем. – СПб.: Б.С.К., 1997. – 351 с.
4. Лосев А.Ф. Афина Паллада / А.Ф. Лосев, А.А. Тахо-Годи / Греческая культура в мифах, символах и терминах. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 227-328.
5. Нойман Э. Происхождение и развитие сознания / Э. Нойман. – М.: REFL-book, К.: Ваклер, 1998. – 462 с.
6. Фромм Э. Мужчина и женщина / Э. Фромм / Составитель С.Я. Левит. – М.: Аст, 1998. – 512 с.
7. Холлис Дж. Под тенью Сатурна. Мужские психологические травмы и их исцеление / Джеймс Холлис. Пер. с англ. Валерий Мершавка. – М.: Когито-центр, 2005. – 192 с.
8. Юнг К.Г. Психологические аспекты архетипа матери / К.Г. Юнг // Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Пер. с англ. – К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – С. 211-249.

Akimova L. N.

ARCHETYPE OF MOTHER IN MAN'S INNER SPACE

In this article the problem of constituting the models of masculinity in the man's interior is raised. Understanding of the dominant model of masculinity allows you to fix the authoritativeness, aggression and competitiveness as stable characteristics of male behavior. It is proved that these characteristics may be signs of infantile masculinity, which while striving for independence displays aggressiveness to everything feminine and comes in conflict with him.

The influence of the archetype of the Great Mother in the process of acquiring the man himself as a holistic, independent from the object's introjected maternal figure is analyzed. The personification of the archetype of the Great Mother in the cared for, horrible, divine mother and the category of power as the essence of these images is studied. It is shown that a man's overcoming his dependence on a mother or mother-complex is associated with the specific conditions of resisting the power, which are typical the signs of trauma. The process of obtaining a mature masculinity undergoes gradually overcoming of three traumas. Each trauma is a threat of extinction and a chance of acquiring. The trauma of separation, which results in a man's physically and spiritual separation from his mother, is a threat of loss and guilt. It is offset by a sense of dignity, pride and glory. After experiencing the emotional trauma of dissolution, the man takes his erotic and sexual impulses under control. As a result of the emotional trauma the man learns to control his aggressive intentions.

Key words: the archetype of the Great Mother, masculinity, trauma, maternity complex, power.

Стаття надійшла до редакції 12.05.2015